

ГЕРМАНО-ПОЛЬСКИЕ ОТНОШЕНИЯ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 1920-Х ГОДОВ И ПОЗИЦИЯ ВЕЛИКОБРИТАНИИ

Е.Н. Дубровко, г. Гомель (Республика Беларусь)

В статье на основе анализа документов британского парламента и внешнеполитического ведомства выявлена и охарактеризована позиция Великобритании по отношению к германо-польским отношениям во второй половине 1920-х гг. Показано, что в германо-польских отношениях Великобритания проявляла готовность к пренебрежению позицией Польши, проблема положения национальных меньшинств, связанная с территориальными изменениями на германо-польской границе, не рассматривалась как значимая.

Ключевые слова: Германия, Польша, Великобритания, Локарнская конференция, проблема безопасности.

Несмотря на заключение мирных договоров и проведение ряда конференций, в ходе которых уточнялись не до конца урегулированные на Парижской мирной конференции 1919 – начала 1920 года вопросы репараций, территориальных претензий, к середине 1920-х годов важнейшей задачей в международных отношениях в Европе оставалось создание механизма поддержания безопасности, тесно связанного с отношениями Германии с соседними государствами. Актуализировали эту задачу события Рурского кризиса 1923 года, одним из последствий которого стало появление проекта, известного как «Протокол о мирном урегулировании международных споров» или Женевский протокол 1924 года. Как известно, он не вступил в действие, так как не был ратифицирован Великобританией, где с ноября 1924 по июнь 1929 года у власти находился кабинет консерватора Стенли Болдуина. Пост главы внешнеполитического ведомства (Форин оффис) в нём занимал Джозеф Остин Чемберлен, с деятельностью которого и связан отказ от ратификации Женевского протокола 1924 года, равно как и реализация идеи локарнских соглашений. В ходе обсуждения этих проектов, а также их реализации британскими политиками и дипломатами неоднократно затрагивалась такая важная составляющая европейской безопасности, как напряжённые германо-польские отношения, последующее развитие которых переросло в военный конфликт – в начало Второй мировой войны. Выявление британской позиции по проблемам германо-польских отношений во второй половине 1920-х годов представляется актуальной на сегодняшний день исследовательской задачей. Оно позволит осмыслить обстоятельства перерастания отдельного межгосударственного конфликта в центрально-восточной Европе в войну мирового масштаба, проследить роль при этом такого фактора, как позиция Великобритании – одного из самых влиятельных европейских государств межвоенного времени, постоянного члена Совета Лиги Наций, гаранта Рейнского пакта. Актуальность предмета исследования нашей статьи обусловлена и текущим состоянием его изученности в

историографии. Этот сюжет не нашёл отражения в работах крупнейшего специалиста в советской исторической науке по истории британской внешней политики первой половины 20 века В.Г. Трухановского [1], как и в работах современных российских исследователей-англоведов [2; 3], хоть в целом, интерес к британской внешней политике 1920-х годов увеличивается [4; 5; 6; 7]. В британской историографии английская политика в отношении германо-польских отношений во второй половине 1920-х годов получила лишь фрагментарное отражение в работах исследователей, посвящённых германскому, реже польскому, вектору британской политики [8; 9]. Наибольшее внимание этой теме уделили, несомненно, польские историки при анализе польско-британских отношений соответствующего периода [10; 11; 12]. При этом, однако, вторая половина 1920-х годов не получила достаточного освещения в работах исследователей, чаще уделявших внимание анализу событий предвоенного десятилетия.

Начать стоит с событий середины 1920-х годов. 25 марта 1925 года в Палате общин британского парламента обсуждался вопрос международных отношений в связи с готовящейся конференцией в Женеве. Эта тематика не часто становилась предметом обсуждения в парламенте. Как заметил депутат-либерал Герберт Фишер «это первый с сентября прошлого года случай, когда Палата представителей имела возможность обсудить иностранные дела». Упрекая правительство в недостаточном введении депутатов палаты в курс дела о международных делах, Г. Фишер выразил позицию либеральной партии по вопросу об обеспечении безопасности в Европе. Он подчеркнул, что депутаты-либералы против идеи тройственного альянса, включающего Великобританию, Францию и Бельгию. Объяснялось это двумя причинами. Во-первых, в начале 1922 года британское правительство предлагало общую договоренность с участием России (речь идёт о проекте пакта об отказе от агрессии (ненападении), предложенном Д. Ллойд Джорджем – Е.Д.), однако это предложение было отвергнуто правительством Франции. Оно было сочтено по форме унижительным и неадекватным по содержанию, и было ясно, что предложение о заключении договора, который не включал бы в себя какого-либо соглашения о гарантиях границ восточных союзников Франции, будет неприемлемым для Франции. Во-вторых, по мнению британского парламентария, если Англия заключит договор с Францией и Бельгией, будет положено начало процессу, который в конечном счете неизбежно приведет к разделению Европы на две группы держав, выступающих одна против другой и вооружающихся друг против друга; одним из первых ответов, который был бы дан такому тройственному альянсу западных держав, было бы объединение России и Германии. При этом британский политик поддерживал другую схему: «Нам сообщили, что правительство Германии выступило с предложением присоединиться к пакту, гарантирующему восточную границу Франции, но мы понимаем, что правительство Берлина желает оставить за собой право передать на рассмотрение Лиги Наций или арбитража вопросы, касающиеся немецкой границы на Востоке <...>

Я предвижу, как, без сомнения, и любой другой член этой Палаты, что с французской стороны могут возникнуть возражения. Я ожидаю, что в Париже будет сказано, что Франция не может принять какую-либо форму гарантии, которая не учитывает Польшу и Чехословакию». Однако в ответ на это британский депутат привёл слова Ж. Клеманско в ходе мирной конференции в Париже о том, что «мирный договор создает механизм для мирного урегулирования всех международных проблем путем обсуждения и согласия, посредством чего само урегулирование 1919 года может время от времени изменяться в соответствии с новыми фактами и новыми условиями по мере их возникновения» [13]. То есть Г. Фишер допускал в полной мере пересмотр германо-польской границы. Также затронул он и вопрос о Данциге. «В моем опыте работы в Лиге Наций было немного более острых вопросов, чем отношения между Республикой Польша и вольным городом Данцигом по Версальскому договору. Конечно, в этой стране мы испытываем все симпатии к Республике Польша и желаем ей всяческих успехов. Мы желаем, чтобы у этой блестящей и одаренной нации, чьи горести привлекали сочувствие либерально настроенных людей в этой стране на протяжении многих поколений, было блестящее и стабильное будущее. В то же время никто не может наблюдать за ходом событий в Данциге и его окрестностях без глубочайшего чувства тревоги. Вот Данциг, великий немецкий город с великолепными историческими традициями, один из ведущих ганзейских городов, гордый и процветающий торговый город, придающий большое значение своим историческим традициям, а рядом с ним находится Республика, постоянно пытающаяся подорвать его независимость. К счастью, Лига Наций в прошлом и в настоящем представлена в Данциге Верховным комиссаром, который является представителем нашей нации, британским подданным, но самым верным слугой Лиги Наций, выполняющим приказы только от Лиги, и благодаря тактичности и хорошему управлению эти трудности были устранены. Я очень надеюсь, что Верховный комиссар получит от этой страны всю дипломатическую поддержку, на которую он имеет право, потому что в интересах самой Польши желательно, чтобы у нее на западной границе был не ожесточенный, злой и бдительный враг, а хороший сосед и друг.» [13]. В ответном выступлении глава британского внешнеполитического ведомства Дж. О. Чемберлен заверил, что полностью разделяет желание, «чтобы восстановленная Республика Польша поддерживала хорошие отношения со своими соседями и делала все, что может справедливо и легко сделать держава ее уровня величия, славы и силы, чтобы облегчить ситуацию, которая в любом случае должна быть трудной, и предотвратить возникновение ненужных трудностей. Мы все можем посочувствовать трудностям и невзгодам Польши, призванной к возрождению в первые дни своего существования и все еще находящейся под угрозой на своих границах; но сейчас она неуклонно укрепляет свои позиции, она приводит в порядок свои финансы без какого-либо международного займа, она добивается устойчивого и плодотворного прогресса; и в этих

обстоятельствах мы можем рассчитывать на ее уверенность в суждениях, мудрость в политике и уважение к чувствам других» [14].

В ходе дальнейшего обсуждения проблемы безопасности в Европе и британской политики в связи с этим либеральный депутат Эдвард Григ, хоть и не говорил прямо о германо-польских отношениях, обозначил свою оценку ситуации во всём регионе: «Безопасность – это не одна проблема; это сеть проблем, и трудность заключается в том, чтобы увидеть эти проблемы в перспективе <...> В этой сети проблем на первом плане стоит вопрос об эвакуации Кельна (центр расквартировки в Рейнской области британских войск, введённых в декабре 1918 г. – Е.Д.). За этим, на средней дистанции, стоит более сложная проблема безопасности Франции и Бельгии. И за этим опять же, на заднем плане, стоит еще более сложная проблема обеспечения мира на восточных рубежах Европы и на всем континенте». В ходе дальнейшей речи он заявил «За этим (вопросом о западных границах Германии – Е.Д.) снова встает – бесполезно закрывать глаза на этот факт – вопрос о восточных границах, который нельзя отделить от общего вопроса безопасности в Европе. Я не верю, что есть хоть какой-то шанс на то, что Франция в конечном счете согласится с предложениями, которые каким-то образом не касаются восточных границ. Поскольку пакты о гарантиях провалились, она взяла на себя новые обязательства перед союзниками на юге и востоке Германии, и хотя мы никоим образом не связаны этими обязательствами, это факты в сложившейся ситуации, и мы должны иметь дело с фактами <...> стоит надеяться, что в вопросе о восточных границах в Европе, что бы не предприняло правительство, оно будет придерживаться принципа, что любые обещания, которые мы даем ради укрепления европейской безопасности, обусловлены принятием принципа мирного пересмотра, где и когда это необходимо, восточных договорённостей» [15]. *Как видно, британские парламентарии стояли на позиции готовности допустить мирный пересмотр итогов версальского урегулирования в вопросе германо-польских отношений, видя в этом залог обеспечения «безопасности», соответствовавшей британским национальным интересам.*

Пропагандистские беседы, к которым прибегли в течении 1925 года польские дипломаты, не принесли им желаемой активной поддержки Великобритании в деле лоббирования проекта одинаковых гарантий для западных и восточных границ Германии в канун Локарно [16, с. 99–105]. Как результат, по итогам Локарнской конференции Польша лишь парфировала арбитражный договор с Германией и гарантийный договор с Францией, который предусматривал взаимопомощь в рамках устава Лиги Наций в случае неспровоцированной агрессии. В отличие от ситуации с германо-французской и германо-бельгийской границами Великобритания не выступила гарантом германо-польской границы [17, с. 497–498].

Уже в день окончания конференции Дж. О. Чемберлен написал английскому посланнику в Варшаве, что тому следует настойчиво озвучить польским властям позицию Великобритании: Польша должна стремиться создать атмосферу доверия между собой и Германией. По его словам,

Великобритания осознаёт, что территориальное урегулирование между Польшей и Германией может содержать потенциальные причины недовольства, но их можно устранить, сохраняя приверженность мирным переговорным методам. Дж. О. Чемберлен подчёркивал, что Польше не стоит пренебрегать благоприятными возможностями для налаживания отношений и с западным, и с восточными соседями [18, р. 944–945].

Во время Локарнской конференции были также обозначены основные вопросы, связанные со вступлением Германии в Лигу Наций. В ходе нее вопрос о вступлении Германии в Лигу предложил обсудить Дж. О. Чемберлен на четвертом заседании 8 октября 1925 года [17, с. 182]. Он указал, что нельзя рассматривать вопрос о заключении Рейнского гарантийного пакта без одновременного вступления Германии в Лигу. Поддержав требование Германии на предоставление постоянного места в Совете Лиги, остальные члены Совета, в том числе и Великобритания, столкнулись с требованием предоставления такого же места со стороны Испании, Бразилии и Польши, которое не было однозначно поддержано. После длительных переговоров 4 сентября 1926 года Совет Лиги принял резолюцию, предусматривающую избрание Германии постоянным членом Совета, увеличение непостоянных мест до девяти. Было также решено, что срок полномочий непостоянных членов продлится до трех лет, появится статус трех полупостоянных членов. Также для удовлетворения претензий Польши было принято решение о возможности переизбрания на следующий трехлетний срок решением Ассамблеи при большинстве в две трети голосов. 10 сентября 1926 года немецкая делегация заняла свои места в зале Лиги Наций. В том же году непостоянными членами Совета на три года стали Чили, Польша, Румыния, также было удовлетворено заявление Польши о ее переизбрании на еще три года [19, с. 171–172]. Это означало реализацию своеобразного компромисса, позволяло надеяться на создание рабочего механизма урегулирования спорных вопросов в отношениях между Польшей и Германией.

По мнению польской исследовательницы М. Новак-Келбиковой в 1926–1927 гг. интерес к Польше в Великобритании был связан преимущественно с её соседством с СССР в условиях обострения англо-советских отношений [11, с. 141]. Однако анализ документов Форин оффис показывает, что сохранялось и пристальное внимание со стороны британских дипломатов к германо-польским отношениям, остававшимся потенциальной сферой конфликта. Во второй половине 1920-х годов сохранялась напряжённость в экономических отношениях между Польшей и Германией, за развитием которых следили британские дипломаты. С 1925 года в них важное место заняли переговоры о торговом соглашении, но после отказа Германии на просьбу Польши о беспошлинном ввозе польских товаров, особенно, угля из Верхней Силезии летом 1925 года, они приостановились. Развернулась, по сути, таможенная война. В 1926 году переговоры осложнились вопросом о ликвидации немецкой собственности в Польше, а в 1927 году – требованием Германии использовать по

отношению к ней принцип «наибольшего благоприятствования» в вопросе права проживания [20, р. 36–37]. В связи с последним инцидентом прошла встреча британского посла в Берлине Р. Линдси с госсекретарём министерства иностранных дел Германии Карлом фон Шубертом, инициированная последним. В ходе встречи немецкий дипломат уже вполне откровенно говорил, что в Локарно Германия не пошла на требуемые Польшей гарантии, так как не скрывала своих надежд однажды мирными средствами изменить свои восточные границы; до того времени она декларировала заинтересованность в установлении нормальных отношений с Польшей, чтобы убрать повод для Франции сохранять оккупацию рейнской области (оккупация выступала средством давления на Германию с запада, чтобы предотвратить немецкое давление на восток). Обвиняя Польшу в срыве переговоров, К. фон Шуберт, по мнению Р. Линдси, намекал на «два конструктивных действия» со стороны Великобритании: подтолкнуть Польшу к более рациональной позиции и посоветовать сменить посла в Берлине. В ответах британского дипломата, не содержащих никаких обещаний и протестов против такой интерпретации развития локарнских принципов, есть лишь красноречивая характеристика польского государства, как «не только нового, но и крайне националистического и не менее невежественного в искусстве государственного управления» [20, р. 38]. По-видимому, в качестве стимула для Великобритании немецкий дипломат сообщил о слухах «в определённых кругах» в Германии, что действия Польши в отношениях с Германией инспирируются Великобританией, на что получил твёрдые уверения, что это противоречит принципам британской политики [20, р. 39]. То есть британским дипломатам был известен исключительно декларативный характер заинтересованности Германии в налаживании германо-польских отношений и сохранении стратегии возврата территорий, перешедших к Польше в соответствии с решениями Версальской мирной конференции.

В феврале 1927 года в условиях обострения англо-советских отношений британский посол в Берлине Р. Линдси констатировал в письме к Дж. О. Чемберлену, что обеспокоенность распространилась и на взгляды немецких политиков на «балтийский и польский» вопросы; дипломат также подчёркивал присутствие теории о поощрении Великобританией неуступчивости поляков по отношению к Германии. Передавая свои впечатления о германо-польских переговорах, Р. Линдси писал, что Германия с радостью бы возобновила их, чему препятствуют лишь проволоочки со стороны Польши [20, р. 61].

Немецкие политики, о чём польская дипломатия постоянно информировала Великобританию, при любом удобном случае напоминали о неудовлетворённости их страны германо-польской границей. Показательна беседа, произошедшая в период заседания Совета Лиги в марте 1927 года между Г. Штреземаном и А. Залеским, когда в ответ на заявления последнего, что Польша не имеет территориальных претензий к Восточной Пруссии, так как у неё есть как раз столько земель, сколько ей нужно, немецкий министр иностранных дел заметил, что их больше, чем Польше

следует иметь [20, р. 110]. В сентябре 1927 года советник немецкого консульства в Катовице барон фон Грюнау вновь говорил Р.Э. Кименсу, торговому советнику британского посольства в Варшаве, что, пока польская Верхняя Силезия и «коридор» не будут возвращены Германии, хорошие германо-польские отношения невозможны [21, р. 13–15].

В этих обстоятельствах Дж. О. Чемберлен изложил в октябре 1927 года польскому министру иностранных дел А. Залескому следующее видение «польского отношения к вопросу безопасности в целом»: «поляки обладают очень ценными гарантиями. По-моему, они совершают ошибку, когда словами или действиями недооценивают или выражают сомнение в гарантиях безопасности, которые у них есть» [21, р. 49]. Английский дипломат рекомендовал чаще предавать гласности те усилия, которые были предприняты Польшей и Германией для предотвращения угрозы миру. «Если бы я был польским министром иностранных дел <...> я бы призвал мир в свидетели того, что немецкий министр иностранных дел объявил, что ценность локарнских договоров не только в отношениях, установленных с соседями Германии на западе, но и в том, что фактом заключения арбитражного договора с Польшей она обозначила невозможность обращения к войне, как к средству преодоления проблем в их взаимоотношениях» [21, р. 49]. По сути эти заявления отражали стремление главы Форин оффис посредством апелляции к итогам локарнской конференции снизить напряжение в германо-польских отношениях.

Однако «дух Локарно» оказался недостаточным фактором для перехода германо-польских отношений в состояние бесконфликтных. Польша не считала достаточным декларирование Германией отказа от силового пути изменения территориальных решений Версальского мирного договора. Более того, она не пренебрегала и превентивными мерами для предотвращения территориального реванша со стороны Германии. Ставка была сделана на проблему национальных меньшинств. Так в июне 1928 года британский представитель в Варшаве Уильям Эрскин прислал в Лондон рапорт о ситуации в Верхней Силезии, подготовленный британским вице-консулом в Катовицах. Обширный рапорт содержал информацию о притеснениях немецкого населения со стороны польских властей, о развёрнутой полонизации, проводимой по инициативе воеводы с 1926 года, о сохранявшейся угрозе политической нестабильности в регионе, которому центральные власти не уделяют должного внимания. При этом сам У. Эрскин выразил сомнения в справедливости возложения всей вины исключительно на местные власти, саму же сложность политической ситуации не отрицал [22, р. 98–105]. После более подробного изучения ситуации он сообщал в Лондон, что удостоверился в справедливости изложенной в рапорте информации, но вместе с тем пришёл к выводу, что обозначенная политика в отношении немецкого меньшинства имеет место только в этом регионе Польши. Британский дипломат объяснял это недовольством польских властей зыбким статусом этой территории, попытками посредством полонизации укрепить там свои позиции [22, р. 154–156].

Триггером нового витка напряжения в германо-польских отношениях стал вопрос об эвакуации союзных войск из рейнской зоны летом 1928 года. Он вызвал со стороны польских политиков, в частности, министра иностранных дел А. Залесского, заявления, предполагавшие претензии Польши на компенсацию в связи с ослаблением гарантий безопасности. В ответ в немецкой прессе началась кампания возмущения попытками Польши лоббировать в текущей ситуации проект Восточного Локарно, а равно в целом, возмущение попытками её вмешательства в вопрос западных границ Германии. Эта кампания подтолкнула британского представителя в Варшаве обсудить этот случай с А. Залесским и высказать тому свою позицию: Германия лучше примирится с её текущими восточными границами, если её отношения с Польшей будут более добрососедскими, а названный случай этому не способствует [22, 5 р. 121–123]. Публичное заявление А. Залесского не осталось незамеченным в Великобритании. Оно спровоцировало вопрос к Дж. О. Чемберлену от депутата палаты общин либерала Сидни Бакстона о потенциальном обсуждении гарантий до вывода союзных войск из Рейнской области. Об этом случае, как и о своём ответе Дж. О. Чемберлен сообщил польскому послу К. Скирмунту для передачи этой информации А. Залесскому. В частности, глава британской дипломатии подчеркнул, что гарантии Великобритании не выйдут за пределы Устава Лиги Наций и Локарнского договора. Таким образом, он пресёк попытки Польши использовать факт вывода войск из рейнской зоны для расширения гарантий её западных границ [22, р. 143–144]. Такую же позицию он подчёркнуто обозначил в беседе с французским послом [22, р. 147]. Однако этим тема оказалась не исчерпана. В конце августа 1928 года польский посол в Лондоне К. Скирмунт обратился с запросом в Форин оффис о ходе эвакуации Рейнской области. В беседе с британскими дипломатами он вновь отметил существующие в Польше опасения того, что эвакуация ослабит её позиции, что требует новых гарантий польской безопасности. На это был получен однозначный ответ о том, что подобные надежды беспочвенны: вывод войск из Рейнской области и так является сложной международной проблемой, нельзя усложнять её ещё больше польскими требованиями [22, р. 270–271]. В сентябре 1928 года во время заседаний ассамблеи Лиги Наций А. Залесский вновь поднял в беседе с британским делегатом вопрос о принятии решения об эвакуации рейнской зоны. В частности, подчёркивая, что Польша была подписантом Локарнских соглашений, он высказал предложение о том, что она должна стать и подписантом соглашения об эвакуации. Это должно было, по словам польского министра иностранных дел, успокоить польское общественное мнение. Однако эта попытка повысить значимость позиции Польши по одному из вопросов, касающихся Германии, не имела успеха. Британский дипломат привёл несколько доводов: во-первых, связь вопроса об эвакуации не с Локарнскими соглашениями, а с Версальским договором; во-вторых, возможное недовольство британского общественного мнения намёком на отказ Великобритании от

позиции «не вовлеченности» в дела восточных границ Германии; в-третьих, недовольство общественного мнения Германии. А. Залесский, со своей стороны, говорил о необходимости «предотвратить негативный эффект в Восточной Европе, который может возникнуть от эвакуации рейнской зоны». Он пояснял, что согласно франко-польскому договору, подписанному в Локарно, Франция гарантировала вступление в войну в поддержку Польши в определённых обстоятельствах, что станет затруднительно после эвакуации, так как они окажутся на более далёком расстоянии. Это означало ослабление гарантий и подталкивало Польшу к поиску других. Но и этот аргумент не убедил собеседника [22, р. 321–323]. Во внутриведомственной переписке, посвящённой этому сюжету, британский посол в Варшаве Уильям Эрскин указывал, что в Польше очень велик страх перед будущей немецкой агрессией, потому неплохо бы было представить ей какую-то форму «морального удовлетворения», например, через участие в подписании соглашения о создании Комитета по контролю и примирению. Однако от британского посла в Берлине Г. Рамбольда поступала информация, что Германия не приемлет никакого контроля за рейнской зоной после 1935 года; даже если реализуется идея создания какого-либо комитета, присоединение к нему Польши вызовет непонимание и негодование, что добавит остроты в германо-польские отношения. Он признавал, что в ближайшее время эти отношения не могут быть сердечными, потому следует поддерживать их корректными. При этом он отметил изменение отношения Германии к Польше: она не воспринималась более как «сезонное государство», её существование признавалось, но было устойчивое мнение, что чем сильнее будет Польша, тем сложнее будет добиться территориальных изменений в вопросе «польского коридора». Как и его коллеги Г. Рамбольд считал, что улучшить отношения могло бы заключение торгового договора, хоть и высказывал сомнения в успешности переговоров по этому вопросу [22, р. 366–367].

В январе 1929 года английский посол в Варшаве сообщил «в форме дружеского совета» А. Залесскому позицию Дж. О. Чемберлена по вопросу эвакуации рейнской зоны. Он подчеркнул, что британское правительство придаёт этому вопросу большую важность, и впечатление, что Польша пытается создать сложности на пути его реализации, настроит против неё общественное мнение Великобритании [23 р. 47–48].

Как известно, на Гаагской конференции летом 1929 года Германия безоговорочно добилась досрочного окончания оккупации зоны Северного Рейна, а с польской делегацией обошлись так же, как в Локарно [24, с. 63].

То есть ситуация с решением вопроса об оккупации рейнской зоны вновь, как и в ходе Локарнской конференции, показала, что в германо-польских отношениях Великобритания проявляла готовность к пренебрежению позицией Польши, исходя из примата Германии над Польшей в структуре международных отношений в Европе с точки зрения британской дипломатии.

В конце 1920-х годов британские дипломаты всё чаще сталкивались с проблемой национальных меньшинств в германо-польских

отношениях. В частности, в конце ноября 1928 года в Форин оффис поступали сообщения о деятельности организации «Стальной шлем» в Германии в целом, и Верхней Силезии в частности. На тот момент опасности в деятельности этой организации не было замечено. Однако отмечалось, что у большей части населения Германии бытовало мнение, что необходимо проявлять терпение, так как возврат территорий, отошедших к Польше, невозможен при текущей парламентской системе; только при сильном национальном режиме Германия сможет добиться старых границ на востоке [22, р. 488–489].

Насколько эта информация могла привлечь внимание главы Форин оффис? Комментируя развитие германо-польских отношений в своём письме У. Эрскину Дж. О. Чемберлен признавал, что его мало интересовали их частные аспекты, такие как вопрос о положении польского и немецкого меньшинств на территориях Германии и Польши соответственно. Он скорее склонен давать им общую оценку: отношения ещё долго останутся враждебными. «Залесский сдержан и терпелив, но презрение которое немцы испытывают по отношению к полякам и которое они не могут не показывать при каждом удобном случае, делает двусторонние отношения скорее вопросом эмоций, чем политики» [23, р. 23–24]. Тем не менее британский посол продолжал информировать Форин оффис о положении в Верхней Силезии, попытках Германии через немецких работодателей оказывать давление на местных рабочих с целью отправки их детей в немецкие школы, что мешало интеграции региона в Польшу; сам автор при этом придерживался мнения, что регион должен быть колонизирован, что является жизненно важным для будущего мира в Европе [23, р. 59–61]. Но частное мнение У. Эрскина не отражало позицию британской дипломатии в целом. В марте 1929 года Дж. О. Чемберлен в беседе с польским послом К. Скирмунтом изложил свою точку зрения на ряд аспектов польско-немецких отношений, о которых была проинформирована польская сторона. Во-первых, он дал понять, что не вникает в процедуру рассмотрения вопроса о положении национальных меньшинств. Во-вторых, по вопросу о восточных границах Германии он вновь выразил надежду, что общие интересы Германии и Польши создадут такие отношения между ними, что удастся путём взаимных уступок выйти из состояния вражды, которое их разъединяет. Глава Форин оффис признавал, что это произойдёт не скоро, но до тех пор Великобритания будет чётко демонстрировать, что она против пересмотра мирных соглашений в текущих условиях и не примет иного решения кроме непосредственного соглашения между заинтересованными сторонами или при дружественном посредничестве в соответствии с 19 статьёй Устава Лиги [23, р. 273–274].

Таким образом, во второй половине 1920-х годов в среде британских политиков и дипломатов признавалось существование напряжённости в германо-польских отношениях, как экономических, так и политических, вопрос о пересмотре итогов Версальского мирного договора не сходил с повестки дня, декларировалась лишь приверженность его не силовому

варианту. Для британской дипломатии был очевиден инструментальный характер проблемы положения национальных меньшинств на германо-польском пограничье, потому она минимально привлекала внимание руководящих кругов Форин оффис. При этом данный вопрос, как показывает анализ парламентских дебатов, активно использовался оппозицией как повод для нападок на правительство, в том числе и следующее. Так 13 ноября 1929 года уже новому главе Форин оффис А. Гендерсону в ходе парламентского заседания был задан вопрос о положении немецкого меньшинства в Польше, обращениях по этому поводу в Лигу и её реакции, от ответа на который он ушёл [25].

Источники и литература

1. Трухановский, В.Г. Внешняя политика Англии на первом этапе общего кризиса капитализма (1918–1939) / В.Г. Трухановский. – М. : Изд-во Ин-та международных отношений, 1962. – 412 с.
2. Демидов, С.В. Внешняя политика и дипломатия Великобритании между двумя мировыми войнами / С.В. Демидов. // Актуальные проблемы истории Великобритании XVII–XX веков. – Рязань, 2017. – С. 98–136.
3. Капитонова, Н.К. История внешней политики Великобритании / Н.К. Капитонова, Е.В. Романова. – М. : Международные отношения, 2016. – 838 с.
4. Аршинцева, О.А. Великобритания и проблема стабилизации Версальского миропорядка в первой половине 1920-х гг. / О.А. Аршинцева. // Вестник Кемеровского государственного университета. – 2015. – № 3. – Т. 2. – С. 157–162.
5. Демидов, С.В. От Версаля до Локарно: внешняя политика и дипломатия Великобритании (1919–1925) / С.В. Демидов // Российский научный журнал. – 2009. – №6 (13). – С. 100–110.
6. Прокопов, А.Ю. Европейское направление британской внешней политики в 1920-х годах / А.Ю. Прокопов. // Вестник МГИМО-Университета. – 2012. – №2. – С. 112–119.
7. Хахалкина, Е.В. Локарнские соглашения 1925 г. в контексте трансформации версальской системы: взгляд из Лондона / Е.В. Хахалкина, В.С. Дзюба // Вестник Московского ун-та. Сер. 25: Международные отношения и мировая политика. – 2021. – № 1. – С. 157–195.
8. Jordan, W.M. Great Britain, France and the German problem 1918–1939 / W.M. Jordan. – London–New York–Toronto : Oxford University press, 1943. – 235 p.
9. Powell, M.J. The battleground of high politics. A comparative study of British and French policies towards Poland and the Baltic states. 1917–1939 / M.J. Powell. – Sussex : The book Guild Ltd, 2003. – 265 p.
10. Baumgart, M. Wielka Brytania a odbudowa Polski, 1914–1923 / M. Baumgart. – Szczecin : Uniwersytet Szczeciński, 1990. – 214 s.
11. Nowak-Kielbikowa, M. Polska-Wielka Brytania w dobie zabiegów o bezpieczeństwo w Europie, 1923–1937 / M. Nowak-Kielbikowa. – Warszawa : Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1989. – 588 s.
12. Piszczkowski, T. Anglia a Polska, 1914–1939. W świetle dokumentów brytyjskich / T. Piszczkowski. – Londyn : Oficyna Poetów i Malarzy, 1975. – 456 p.
13. Foreign affairs // House of Commons debates. 05 March 1925 [Electronic resource]. – Mode of access : <https://api.parliament.uk/historic-hansard/commons/1925/mar/05/foreign-affairs>. – Date of access : 28.04.2023.

14. Danzig // House of Commons debates. 05 March 1925 [Electronic resource]. – Mode of access : <https://api.parliament.uk/historic-hansard/commons/1925/mar/05/danzig>. – Date of access : 28.04.2023.
15. British policy // House of Commons debates. 05 March 1925 [Electronic resource]. – Mode of access : <https://api.parliament.uk/historic-hansard/commons/1925/mar/05/british-policy>. – Date of access : 28.04.2023.
16. Дубровко, Е.Н. Великобритания и «польская дилемма» в период подписания локарнских соглашений / Е.Н. Дубровко // Беларусь і суседзі: шляхі фарміравання дзяржаўнасці, міжнацыянальныя і міждзяржаўныя адносіны (да 75 годдзя кафедры ўсеагульнай гісторыі Гомельскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя Францыска Скарыны): зб. навук. арт. Вып. 8. / рэдкал. : М. М. Мязга (гал. рэд.) [і інш.] ; Гомельскі дзярж. ун-т ім. Ф. Скарыны. – Гомель : ГДУ ім. Ф. Скарыны, 2022. – С. 99–105.
17. Локарнская конференция 1925 г. Документы. – М. : Госполитиздат, 1959. – 512 с.
18. Documents on British foreign policy 1919–1939. 1st Ser. / ed. by W.N. Medlicott. – London : Her Majesty's Stationery Office, 1984. – Vol. 25. – 953 p.
19. Илюхина, Р.М. Лига Наций 1919–1934 / Р.М. Илюхина. – М. : Наука, 1982. – 357 с.
20. Documents on British foreign policy 1919–1939. 1st A Ser. / ed. by W.N. Medlicott. – London, 1970. – Vol. 3. European and naval questions. 1927. – 802 p.
21. Documents on British foreign policy 1919–1939. 1st A Ser. / ed. by W.N. Medlicott. – London, 1971. – Vol. 4. European and security questions. 1927–1928. – 668 p.
22. Documents on British foreign policy 1919–1939. 1st A Ser. / ed. by W.N. Medlicott. – London, 1973. – Vol. 5. European and security questions. 1928. – 928 p.
23. Documents on British foreign policy 1919–1939. 1st A Ser. / ed. by W.N. Medlicott. – London, 1975. – Vol. 6. – 880 p.
24. Волос, М. Внешняя политика Польши на фоне международных событий в Европе в 1924–1932 гг. (ключевые проблемы) / М. Волос // Вестник Омского университета. – 2011. – № 1. – С. 60–67.
25. Poland (German minority) // House of Commons debates. 13 November 1929 [Electronic resource]. – Mode of access : <https://api.parliament.uk/historic-hansard/commons/1929/nov/13/poland-german-minority>. – Date of access : 28.04.2023.

АДОЛЬФ ГИТЛЕР НА ТЕРРИТОРИИ БЕЛАРУСИ

Э.Г. Иоффе, г.Минск (Республика Беларусь)

За последние годы вышло немало публикаций о Гитлере, его приспешниках и военачальниках. Принципиальное отличие данной статьи состоит в том, что в ней впервые деятельность Гитлера в годы Великой Отечественной войны, особенно в 1941 году, показана через его визиты в различные населённые пункты Беларуси – главным образом, в те, где находилась штаб-квартира группы армий «Центр», через призму его встреч с военачальниками и главой фашистской партии и фашистского правительства Италии Бенито Муссолини.

При написании статьи использованы различные источники, в том числе фонды Национального архива Республики Беларусь, Центрального архива КГБ Республики Беларусь, архивов Брестской и Минской областей, мемуары немецких военачальников.

Ключевые слова: Адольф Гитлер, Борисов, штаб-квартира группы армий «Центр», фон Бок, Гудериан, Гот, Муссолини, Ганс Баур.